

рабочий класс и современный мир

5. 1990
сентябрь-октябрь

«Белые пятна» современного социализма

Что такое новое политическое мышление

Мечи на орала

Институт
международного
рабочего движения
Научный и общественно-
политический журнал
Издается с 1971 г.
Выходит 6 раз в год
№ 5 (119) 1990
СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ
Ордена Трудового
Красного Знамени
издательство
«Прогресс» Москва

рабочий класс и современный мир

СОДЕРЖАНИЕ

«Политические исследования»: чего мы хотим	5
СОЦИАЛИЗМ БУДУЩЕГО В ФОКУСЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ	
Адам Шафф. «Белые пятна» современного социализма	8
Лучано Пеллигани. Какой социализм?	22
ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ	
Ю. В. Шишков. Не пора ли «повивальной бабке» на покой?	26
Кто мы и куда идем? (Материалы «круглого стола». Окончание)	38
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПОЛИТОЛОГА	
А. Ю. Мельвиль, А. И. Никитин. Конец «единомыслия»?	50
Л. В. Минаева. Метафора в политике	61
Поль Чилтон. По ту сторону безопасности: метафора у пределов политической мысли	66
НА ПЕРЕЛОМЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ	
Л. Л. Лисюткина. «Судеб скрещение...» (Новое мышление и альтернативное сознание)	75
Е. Н. Кондрашова. Мечи на орала: опыт Западной Европы	85
Л. Т. Духовная. В чем секрет социально-экономической эффективности современного капитализма?	94
НАШИ ИНТЕРВЬЮ	
А. М. Румянцев. Капитализм — социализм: усложняющееся взаимодействие	104
МИР ТРУДА	
В. Б. Сверчков. Мир социальных конфликтов	116
М. Э. Крамаров. Рабочий класс на капиталистическом рынке	122
В. И. Кабалина, Г. В. Кубась. Новые рабочие лидеры: штрихи к портрету	128
В. Е. Гимпельсон. Между сверхзанятостью и безработицей (Советские рабочие о ситуации в сфере труда)	130
ИСТОЧНИКИ	
Г. В. Плеханов. Из работ 1917 года. (Вступительная статья Т. И. Филимоновой)	137

От редакции. Под рубрикой «Источники» журнал намерен публиковать произведения выдающихся представителей социалистической мысли XX в., которые по цензурным и другим причинам не были доступны советскому читателю. Разумеется, речь не идет о создании какой-то систематизированной серии «памятников истории». Это задача непосильная для журнала. С помощью специалистов из научно-исследовательских центров страны редакция рассчитывает отбирать для рубрики произведения, которые, как мы надеемся, помогут лучше постичь смысл развернувшихся в мире глубоких перемен, будут способствовать обновлению социалистической идеи, поиску путей создания гуманного и демократического общества.

Рубрику мы открываем произведениями Г. В. Плеханова (1856—1918), написанными в апреле — октябре 1917 г. и посвященными судьбам русской революции.

Публикация текстов, вступительная статья и примечания кандидата исторических наук Т. И. Филимоновой, заведующей сектором «Дом Плеханова» Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Г. В. ПЛЕХАНОВ. ИЗ РАБОТ 1917 года

«Я знаю двух человек — только двух, — которые поняли и овладели теорией Маркса и его методом: Плеханов и Франц Меринг»
(Ф. Энгельс в разговоре с В. И. Засулич)

Сравнивая провозглашенные в октябре 1917 г. партией большевиков задачи с сегодняшней степенью их решения, мы вынуждены критически проанализировать обоснованность постановки данных задач, выбора путей и методов их решения, определения тех социальных сил, которые должны были играть ведущую роль в этом процессе.

Анализ исторических событий и явлений в сопоставлении с днем сегодняшним позволяет не только лучше понять проблемы настоящего, но и заглянуть в будущее. Работы Плеханова 1917 г., в которых эти проблемы не только ставились, но и предлагались их решение, звучат сегодня как нельзя более актуально.

К имени Георгия Валентиновича Плеханова, к его идеям, отвергнутым в 1917 г., наша страна обращалась в наиболее критические моменты своей истории: в 1921 г., при переходе к нэпу; в 1941 г., когда русский народ был назван «нацией Плеханова и Ленина»; в 1956 г. Так происходит и теперь, когда мы вновь находимся на переломе своей истории и, как часть человеческого сообщества, вместе с ним решаем судьбу всей цивилизации.

Энциклопедически образованный человек, один из крупнейших теоретиков марксизма, видный деятель международного рабочего движения, основоположник русского марксизма, философ-гуманист, опередивший свое время на десятилетия, Плеханов в конце жизни пережил глубочайшую трагедию идейного оди-

ночества. Вернувшись весной 1917 г. в революционную Россию по ее приглашению и зову, Плеханов, окруженный небольшой группой единомышленников, практически в одиночестве пытался объединить и консолидировать все, по его выражению, «живые силы» общества, чтобы предотвратить надвигавшиеся на страну внешнеполитическую изоляцию, экономическую разруху, одичание, братоубийственную гражданскую войну.

Была ли трагедия Плеханова вызвана его «отступничеством» от марксизма? Может быть, в этом был «виновен» сам марксизм? Или все-таки существовали какие-то иные — объективные — причины того, что к предостережениям Плеханова (как затем и М. Горького, Короленко, П. Маслова, В. Розанова) вожди революции не прислушались? Что завело нас на путь, обернувшийся в итоге экономической и духовной драмой российского общества?

Думается, в чем-то приблизиться к ответам на эти вопросы поможет знакомство с выступлениями Плеханова на страницах газеты «Единство», которая издавалась в Петрограде под его редакцией с марта 1917 по январь 1918 г. Эти выступления, остро полемичные, блестящие по форме, содержат оценки, порой весьма резкие и несправедливые, суждения, кажущиеся на первый взгляд противоречивыми. Главное, что прочитывается и что привлекает сегодня в статьях Плеханова, — призыв к единению всех прогрессивных сил общества, гуманистические и де-

мократические идеи, жизнённость и правоту которых подтвердила история.

Занимаясь историей общественной мысли Западной Европы и России, эволюционируя как философ-материалист, Плеханов, вслед за Марксом и Энгельсом, приходит к выводу, что социализм является новой формацией в социально-экономическом развитии человеческой цивилизации. Но социалистический способ хозяйствования, в основе которого лежат высокая степень развития производительных сил и высокий уровень сознательности (культуры) в трудящемся населении страны, может быть только интернациональным (или его вообще не будет). К этому качественно новому этапу своего развития человечество подойдет, совершенствуя отношения внутри общества, и тем самым совершенствуя каждого из своих членов. При таком подходе человек, его жизнь, судьба из средства превращались в цель: «благо народа — высший закон».

Этот «порог» в эволюции Плеханова отметил еще в 1915 г. Ю. Мартов. В одном из своих писем он писал: «Вы видели сборник (1) Плеханова? Его статья с апелляцией к Канту окончательно убедила меня в том, что... он переживает, несомненно, глубокий кризис, который не может не кончиться или коренной ревизией марксизма или совершенным уходом от социализма. Скорее, конечно, первое» (2).

Однако Плеханов «ревизует» не *метод и логику научного анализа* Маркса, а те политические, тактические по сути, выводы, которые в новых исторических условиях были не просто бесполезны, а стали реакционными, так как тормозили социальный прогресс. Поэтому такие понятия, как «классовая борьба» и «диктатура пролетариата», приобретают новый философский смысл и требуют нетрадиционного политического подхода.

Экономическое освобождение рабочего класса, считает Плеханов, произойдет только тогда, когда, следуя заветам основателей научного социализма, он сумеет сплотить вокруг себя все живые элементы нынешнего общества. Только при этом условии для всех уг-

нетенных «пролетариат станет освободителем по преимуществу». Это определение авангардной исторической роли пролетариата появляется в трудах ученого еще в 1915 г.

С этих же позиций анализирует Плеханов проблемы войны и мира. Мучительно размышляя после 1914 г. над тем, что привело немецкий пролетариат к предательству интересов не только всего европейского пролетариата, но и прежде всего своих собственных, Плеханов вновь обращается к выводу Маркса о том, что в своей международной политике пролетариат должен руководствоваться простыми законами нравственности и права. Для Плеханова, как и для многих других мыслителей-гуманистов, становится очевидным, что если нельзя (пока, нельзя) устранить капитализм, при котором возможны войны, то необходимо, путем согласованных действий, устранить причины, порождающие войны.

Именно этим определяется позиция и тактика Плеханова в 1917 г.: он призывает к заключению мира, но такого, который обеспечит невозможность новой войны, коллективную защиту от агрессии; мира, гарантирующего право наций на самоопределение. Плеханов выступает против заключения сепаратного мира, так как он не устраняет главных причин, превративших Германию в страну-агрессора: отсутствия демократии, милитаризованной экономики как следствия — особого, юнкерского, пути капиталистического развития. Не касаясь юридической стороны дела, надо, как мне кажется, признать определенную моральную ответственность нашей страны за то, что Германия вторично явилась источником мировой войны.

Мир радикально изменился к концу XX столетия. И с точки зрения все более усиливающейся взаимозависимости людей планеты еще рельефнее выглядит формула прогресса, выраженная Плехановым в начале века: необходимость сотрудничества всех классов, народов и стран во имя общих интересов рода человеческого.

Т. И. Филимонова

О ТЕЗИСАХ ЛЕНИНА И О ТОМ, ПОЧЕМУ БРЕД БЫВАЕТ ПОДЧАС ИНТЕРЕСЕН («Единство», №№ 9—11, 9—12 апреля 1917 г.)

В статье о задачах пролетариата в данной революции («Правда», № 26) Ленин, изложив свои, отныне знаменитые тезисы, в заключение счел нужным обрушиться на меня грешного. Зачем это понадобилось ему, я не знаю. Но посмотрите, как лихо ведет он против меня свою кавалерийскую атаку:

«Г. Плеханов в своей газете назвал мою речь «бредовой». Очень хорошо, господин Плеханов! Но посмотрите, как вы неуклюжи, неловки и недогадливы в своей полемике. Если я два часа говорил бредовую речь, как же терпели «бред» сотни слушателей? Далее. Зачем ваша газета целый столбец посвящает изложению «брёда»? Некругло, совсем некругло у вас выходит».

Я вовсе не расположен был вступать в публицистические схватки. Теперь у меня другая забота. Притом же полемика, ведомая в духе, каким пропитаны цитированные мною строки Ленина, непременно выродилась бы в петушинный бой, имеющий некоторый интерес,— да и то единственно для охотников до этой забавы,— только в эпохи политического затишья и общественного упадка. Мы же переживаем теперь период подъема, и участники петушиных боев в литературе должны возбуждать в читающей публике чувство отвращения. Но я не могу и молчать. Во-первых, потому, что простодушные последователи Ленина вообразили бы, будто мне решительно нечем отразить его удалой наезд; во-вторых, по той причине, что этот наезд представляет собою лишь военную демонстрацию, предпринятую с целью защиты главной позиции, на которой расположены ленинские тезисы. Потому и начинаю с наезда.

Ленин утверждает, что я неуклюж, неловок и недогадлив в своей полемике. Если это правда, то тем лучше для него. Однако разберем. В чем же, собственно, проявилась моя неуклюжесть, неловкость и недогадливость? Мой развязный противник спрашивает, каким образом могли слушать бредовую речь сотни слушателей в течение целых двух часов. Затем недоумевает, почему «Единство» посвятило целый столбец изложению бреда.

Замечу прежде всего, что я не давал никакого отзыва о речи Ленина и не был между его слушателями. «Бредовой» назвал длинную речь Ленина товарищ репортер «Единства». Разумеется, он мог ошибиться в своей оценке. Но я позволю себе заметить, что его ошибка никак не могла бы служить доказательством моей неуклюжести, неловкости и недогадливости в полемике. Кроме того, впечатление бреда речь Ленина произвела на огромное большинство слушателей, а не только на товарища репортера «Единства». Если в этом, последнем, обстоятельстве Ленин увидит новое доказательство слабости моего литературного таланта, то я боюсь, как бы даже простодушные читатели «Правды» не сообразили, что неуклюжестью, неловкостью и недогадливостью отличается именно он, Ленин. Пойдем дальше. Напрасно думает мой противник, что «бредовая» речь не может привлекать к себе внимание слушателей в течение целых двух и даже более часов. И столь же напрасно уверяет он, будто изложению такой речи газеты не могут отводить места. Бред бывает иногда весьма поучителен в психиатрическом или в политическом отношении. И тогда люди, занимающиеся психиатрией или политикой, охотно посвящают ему много времени и места. Укажу на «Палату № 6» Чехова. Она составляет целую книжку. В ней излагается самый несомненный бред, а между тем, занялся же воспроизведением этого бреда большой, очень большой художник. И когда мы читаем это произведение очень большого художника, мы не смотрим на часы и нисколько не ропщем на то, что оно занимает несколько печатных листов. Напротив, мы жалеем о том, что слишком скоро доходим до последней его страницы. Это новый довод в пользу того, что бред, оставаясь бредом, может быть интересен во многих отношениях.

Или возьмем «Записки титулярного советника Авксентия Ивановича Поприщина». В художественном отношении эта вещь Гоголя слабее, нежели «Палата № 6». Однако и она читается с большим интересом, и никто не жалуется на то, что она занимает несколько «столбцов». То же и с тезисами Ленина. Читая их, сожалеем только о том, что автор не изложил их гораздо подробнее. Это не значит, конечно, что я ставлю Ленина на одну доску с Гоголем или с Чеховым. Нет,— пусть он извинит меня за откровенность. Он сам вызвал меня на нее. Я только сравниваю его тезисы с речами ненормальных героев названных великих художников и в некотором роде наслаждаюсь ими. И думается мне, что тезисы эти написаны как раз при той обстановке, при которой набросал одну свою страницу Авксентий Иванович Поприщин. Обстановка эта характеризуется следующей пометой:

«Числа не помню. Месяца тоже не было. Было черт знает что такое.» Мы увидим, что именно при такой обстановке, т. е. при полном отвлечении от обстоятельств времени и места, написаны тезисы Ленина. А это значит, что совершенно прав был репортер «Единства», назвавший речь Ленина бредовой.

Есть люди, политический кругозор которых до такой степени затуманен любовью к Интернационалу, что они никак не могут — да и не хотят — разобраться в том, на кого же собственно падает ответственность за нынешнюю войну. Рассуждения этих людей всегда заставляли меня вспоминать о том мещанине в одном рассказе Глеба Успенского, который уверял, будто существует статья, гласящая: «по совокупному мордобой и взаимному оскорблению не виновны». И когда я слушал такие рассуждения, я не раз мысленно восклицал словами купчины в том же рассказе: «Передрались мы все, как самые последние прохвосты, а выходим все, как младенцы невинные». На первый взгляд представляется непонятным, как может человек, не совсем лишенный здравого смысла, допускать, что в международном праве современного социализма существует статья, подобная вышеуказанной. Но дело объясняется тем, что в данном случае ответственность переносится с людей на производственные отношения. Вина во всем капитализм, который, на высшей стадии своего развития, непременно становится империалистическим. Сам по себе этот довод ничего не объясняет. Он основан на той логической ошибке, которая в науке называется *petitio principii*, другими словами: он считает доказанным как раз то, что требуется доказать, т. е., что ответственность за каждую данную империалистическую войну в одинаковой мере падает на все участвующие в ней капиталистические страны. Но он успокаивает совесть интернационалистов, «не приемлющих войны», и потому нередко принимается без критики даже людьми, от природы весьма неглупыми.

Ленин никогда не был человеком сильной логики. Однако и он как будто подметил логическую несостоятельность этого довода. Это явствует из следующих строк его первого тезиса.

«В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К⁰ безусловно остается грабительской, империалистической войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки революционному оборончеству».

Вы видите: война является грабительской империалистической войной со стороны России. А как обстоит дело со стороны Германии? Об этом у Ленина не сказано ничего. Но, если со стороны одного из двух, сталкивающихся между собой лиц, проявляется грабительское намерение, то весьма естественно предположить, что другое лицо рискует быть ограбленным. Выходит, что Германия подверглась опасности быть ограбленной Россией. А если это так, то русскому пролетариату нет никакой надобности деятельно участвовать в нынешней войне.

Признаюсь, логика Ленина нравится мне больше, нежели логика людей, в своих рассуждениях отправляющихся от убеждения в безответственности «участников совокупного мордобоя». Он не отказывается от рассмотрения вопроса об ответственности: из приведенных мною строк его неизбежно следует, что ответственность падает именно на Россию, со стороны которой проявились грабительские намерения. Однако его логичность есть именно логичность человека, ведущего свои рассуждения в том психическом состоянии, которое прекрасно характеризовал Поприщин своей пометой:

«Числа не помню. Месяца тоже не было. Было черт знает что такое».

Кто же не знает, что война объявлена была не Россией — Германии, а наоборот: Германией — России? Правда, Бетман-Гольвег уверял, что Россия своей мобилизацией вынудила Германию объявить ей войну. Но неужели Ленин способен принять всерьез это утверждение германского канцлера, в свое время победоносно опровергнутое автором известной книги «J'accuse»? (3). Допустить это совершенно невозможно. Дело вовсе не в том, известен или неизвестен Ленину тот или другой отдельный факт, знакомо или незнакомо ему то или другое утверждение, или то или другое опровержение этого утверждения. Он рассуждает вне обстоятельств места и времени. Он оперирует единственно со своими отвлеченными формулами. И если формулы эти противоречат фактам, то тем хуже для фактов. Да и какое значение могут иметь факты там, где нет ни чисел, ни месяца, а существует лишь нечто совершенно фантастическое?

Ленин утверждает, что ввиду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, не желающих никаких завоеваний, необходимо терпеливо разъяснять им их ошибку. Из этих его слов прежде всего следует, что масса русского населения желает защищать свою страну, т. е. стоит на нашей точке зрения, а не на точке зрения Ленина. Нам чрезвычайно приятно лишний раз убедиться в этом. Но пойдем дальше и спросим себя: какую же ошибку следует разъяснять массе, расположенной к защите своей страны?

По словам Ленина, мы должны «разъяснять неразрывную связь капитала с империалистской войной». Какого же капитала? Так как грабительские наклонности проявились именно «со стороны России», то следует думать, что нынешняя война падает на ответственность русского капитала.

Но этому выводу противоречит следующее соображение.

Политика новейшего империализма есть продукт стран, достигших наивысшей ступени капиталистического способа производства. Россия не принадлежит к числу таких стран. Мы все знаем, что, по известному выражению Маркса, ее трудящееся население страдает не только от капитализма, но также и от недостаточного развития капитализма. Стало быть, русский капитал никак не может выступить в роли наиболее видного и наиболее опасного для других народов представителя империалистической политики.

А если он не способен выступить в такой роли, то нелепо считать его главным виновником нынешнего международного столкновения. К тому же наша трудящаяся масса просто-напросто не поверит «беспристрастным» агитаторам, которые захотели бы «разъяснить» ей, что ответственности за войну следует искать преимущественно — если не исключительно — «со стороны России». Ленин как будто сам чувствует это. По крайней мере, он обнаруживает готовность ограничиться «разъяснением» того, что «кончить войну истинно демократическим, не насильственным, миром нельзя без свержения капитала».

Смысл этого ясен: сначала свержение капитала, а потом участие народа в защите страны. Совершенно так рассуждал Гюстав Эрве (4) до своего внезапного превращения в прямолинейного фанатика национальной самозащиты. Марксизмом тут, разумеется, не пахнет, как вообще не пахнет им в рассуждениях людей, не считающихся с условиями времени и места. На парижском Международном Социалистическом Конгрессе 1889 г., на этом первом съезде второго Интернационала, анархисты объявили изменой социализму выставленное нами, марксистами, требование восьмичасового рабочего дня. Они тоже говорили: сперва свержение капитала, а потом уже охрана труда. Я обидел бы современного читателя, если бы принял «разъяснить» ему, что истина была не на стороне анархистов.

Ленин находит, что его изумительная и чисто анархическая формула прогресса должна широко пропагандироваться не только в трудящейся массе, но также и в действующей армии. Это понятно. Очень нередко именно самое уродливое дитя пользуется наиболее горячей любовью своих родителей. Но совершенно загадочно окончание первого тезиса Ленина. Оно состоит из одного только слова: «братанье». С кем братанье? По какому случаю братанье? Это остается покрытым мраком неизвестности. Но, принимая в соображение начало первого тезиса, можно построить на этот счет довольно вероятную гипотезу.

Так как нынешняя война до сих пор остается грабительской, империалистской войной «со стороны России», то всем нам, не одобряющим грабительства русским людям, — а также, конечно, и находящимся на фронте воинам нашим, — надо побрататься с немцами: простите, мол, нас, добрые тевтоны, в том, что мы своими грабительскими намерениями довели вас до объявления нам войны; до занятия значительной части нашей территории; до надменно-зверского обращения с нашими пленными; до ограбления Бельгии и до превращения этой, когда-то цветущей страны, в одно сплошное озеро крови; до систематического разорения многих французских департаментов и так далее, и так далее. Наш грех!.. Наш великий грех!

Как только до немцев дойдет этот трогательный, покаянный плач, они расчувствуются в свою очередь, заплачут слезами радости, кинутся в наши объятия, и тогда начнется, как говаривал Фридрих Энгельс: «eine allgemeine Liebeduselei» (всеобщее любовное лобызание).

Ну разве же не очевидно, что по крайней мере первый тезис Ленина написан в том фантастическом мире, где нет ни чисел, ни месяцев, а есть только черт знает что такое?

ОСТАЛЬНЫЕ ТЕЗИСЫ ЛЕНИНА

Маркс говорит в знаменитом предисловии к не менее знаменитой книге «Zur Kritik der Politischen Oekonomie» («К критике политической экономии»):

«На известной ступени своего развития производительные силы общества вступают в противоречие с существующими в этом обществе отношениями производства, или, выражая то же самое юридическим языком, с отношениями собственности, внутри которых они развивались до сих пор. Из форм, содействовавших развитию производительных сил, эти отношения превращаются в препятствие для их развития. Тогда наступает эпоха социальной революции».

Это значит, что далеко не во всякое данное время возможен переход от одного способа производства к другому, высшему, — например, от капиталистического к социалистическому, Маркс прямо говорит далее в том же предисловии, что данный способ производства никак не может сойти с исторической сцены данной страны до тех пор, пока он не препятствует, а способствует развитию ее производительных сил.

Теперь спрашивается, как же обстоит дело с капитализмом в России? Имеем ли мы основание утверждать, что его песенка у нас спета, т. е. что он достиг той высшей ступени, на которой он уже не способствует развитию производительных сил страны, а наоборот, препятствует ему?

Выше я сказал, что Россия страдает не только от того, что в ней есть капитализм, но также и от того, что в ней недостаточно развит капиталистический способ производства. И этой неоспоримой истины никогда еще не оспаривал никто из русских людей, называющих себя марксистами. Если бы нужно было ее новое подтверждение, то его можно было бы почерпнуть из опыта нынешней войны, показавшей, как сильно рискует такое экономически отсталое государство, как Россия, сделаться предметом беспощадной эксплуатации со стороны такого экономически развитого государства, как Германия. Если это так, то совершенно ясно, что о социалистическом перевороте не могут говорить у нас люди, хоть немного усвоившие себе учение Маркса.

Самое важное разногласие между нами и народовольцами, — как известно, восставшими

против марксизма,— заключалось в том, что, по их мнению, предстоявшая русская революция должна была соединить в себе как политический элемент, т. е. низвержение царизма, так и момент социальный, точнее социалистический, мы же, в противность им, доказывали, что это невозможно, вследствие экономической отсталости России. Согласно нашему взгляду, завоевание политической свободы должно и могло явиться лишь одним из тех необходимых условий, которые подготовят социалистическую революцию, имеющую совершиться в более или менее отдаленном будущем.

Этого тоже не оспаривал до сих пор никто из русских марксистов. Не оспаривал этого, между прочим, и Ленин. Это общераспространенное между русскими марксистами убеждение до сих пор напоминает ему о себе время от времени. В его восьмом тезисе говорится:

«Не «введение» социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны Р.С.Д. за общественным производством и распределением продуктов».

Тут Ленин отдает дань своему прошлому русского марксиста. Но, отдавая эту дань одной рукой, он другой рукой старается взять ее назад. Конечно, иное дело введение социализма, а иное дело контроль. Однако, спрашивается: что же собственно хочет контролировать Ленин? Ответ: общественное производство и распределение продуктов. Это, увы! — весьма неопределенный ответ. Контроль над производством и распределением продуктов, необходимый в социалистическом обществе, в известной и даже весьма значительной мере возможен также и при капитализме. Это опять-таки очень убедительно доказала нынешняя война. Но если восьмой тезис Ленина дает лишь неопределенный ответ на интересующий нас вопрос, то первый его тезис совсем недвусмысленно требует «полного разрыва на деле со всеми интересами капитала». Кто вполне разрывает на деле со всеми интересами капитала, тот совершает социалистическую революцию. Таким образом, заключающаяся в восьмом тезисе оговорка (не «введение» социализма, а контроль и прочее) представляет собою лишь слабую попытку нашего «коммуниста» успокоить свою марксистскую совесть. На деле он вполне разрывает со всеми — основанными на теории Маркса — предпосылками социалистической политики и со всем своим обозом и артиллерией переходит в лагерь анархистов, которые всегда неустанно призывали рабочих всех стран к совершению социалистической революции, никогда не справляясь о том, какую именно фазу экономического развития переживает та или иная отдельная страна.

Социалистическая политика, основанная на учении Маркса, имеет, конечно, свою логику. Если капитализм еще не достиг в данной стране той высшей своей ступени, на которой он делается препятствием для развития ее производительных сил, то нелепо звать рабочих, городских и сельских, и беднейшую часть крестьянства к его низвержению. Если нелепо звать только что названные мною элементы к низвержению капитализма, то не менее нелепо звать их к захвату политической власти. Кто-то из наших товарищей, оспаривавших тезисы Ленина в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, напомнил ему глубоко истинные слова Энгельса о том, что для данного класса не может быть большего исторического несчастья, как захват власти в такую пору, когда его конечная цель остается недостижимой по непреодолимому объективным условиям. Ленина в его нынешнем анархическом настроении, разумеется, не может образумить подобное напоминание. Всех тех, которые возражали ему в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, он оптом величал оппортунистами, поддавшимися влиянию буржуазии и проводящими ее влияние на пролетариат. Это опять язык анархиста. Если читатель даст себе труд перелистать старую книгу М. А. Бакунина «Государственность и Анархия», то он увидит, что отцу русского анархизма сам Маркс представлялся оппортунистом, поддавшимся влиянию буржуазии и проводящим ее влияние на пролетариат. Да иначе и быть не могло. В анархизме тоже есть своя логика. Все тезисы Ленина вполне согласны с этой логикой. Весь вопрос в том, согласится ли русский пролетариат усвоить себе эту логику. Если бы он согласился усвоить ее себе, то пришлось бы признать бесплодными наши более чем тридцатилетние усилия по части пропаганды идей Маркса в России. Но я твердо уверен в том, что этого не будет и что в призывах Ленина к братанью с немцами, к низвержению Временного Правительства, к захвату власти и так далее, и так далее, наши рабочие увидят именно то, что они представляют собою в действительности, — т. е. безумную и крайне вредную попытку посеять анархическую смуту на Русской Земле.

Русский пролетариат и русская революционная армия не забудут, что если эта безумная и крайне вредная попытка не встретит немедленного энергичного и сурового отпора с их стороны, то она с корнем вырвет молодое и нежное дерево нашей политической свободы.

ЧТО СОБСТВЕННО ДАЛ СЪЕЗД! (5) («Единство», № 75, 27-го июня 1917 г.)

Как это всем известно, Советы Р. и С. Депутатов имеют огромное влияние на рабочее население наших городских и промышленных центров. Поэтому всякий, кто не беззаботен насчет дальнейшей судьбы России, должен был с напряженным вниманием следить за ходом занятий Всероссийского Съезда представителей названных Советов. Теперь эти занятия закончены и теперь естественно возникает вопрос: к чему же привели они? Каковы руководящие указания, данные съездом рабочей и солдатской массе? Если бы я вынужден был в немногих словах характеризовать эти указания, я обратил бы внимание читателя на то обстоятельство, что они сильно не понравились большевикам ленинского толка. Так сильно не понравились, что ленинцы презрительно обозвали их мелкобуржуазными. Это характерно уже само по себе. Однако это еще не все. Не довольствуясь презрительным отзывом о господствовавшем на съезде направлении умов, ленинцы решились апеллировать к народу. С этой целью был выработан ими план вооруженной манифестации, нагнавшей немало страху на мирных обывателей Петрограда (6). Этот пресловутый план потерпел такую же решительную неудачу, как и словесные выступления «правдивост» в заседаниях съезда и его отдельных комиссий. Но неудача не помирила, да, конечно, и не могла помирить ленинцев с «мелкобуржуазными» стремлениями образовавшегося на съезде большинства. Напротив, она еще более обострила их враждебное отношение к этим стремлениям.

Со своей стороны, «мелкобуржуазное» большинство съезда тоже не обнаружило большой нежности по отношению к ленинцам. Этим последним не раз приходилось выслушивать от него довольно горькие истины. Особенно замечательны были выступления против ленинцев некоторых провинциальных депутатов. В их речах слышалось не столько раздражение, сколько разочарование: они надеялись встретить в лице своих петроградских товарищей самых надежных и самых сознательных руководителей рабочего класса; но, к величайшему своему огорчению, они убедились, что в Петрограде много демагогов самого низкого разряда. Я не думаю, чтобы впечатления, вынесенные провинциальными депутатами из их встречи с петроградскими ленинцами, могли способствовать усилению влияния большевизма ленинского оттенка в провинции.

В чем же дело? Где лежит коренная причина расхождения большинства съезда с Лениным и его последователями?

Она заключается во взгляде на те возможности, которые обеспечивает трудящемуся населению России переживаемый нами исторический момент.

Ленинцы убеждены, что наш рабочий класс уже теперь может порвать, — как выразился однажды их вдохновитель, — со всеми требованиями капиталистов. Другими, более точными словами это означает, что Россия уже готова вступить в период социалистического переворота. Этим убеждением и обуславливается вся тактика Ленина. Конечно, в ней очень заметен свойственный Ленину и всем его сторонникам элемент варварской грубости. Но если бы этот элемент совсем перестал существовать, если бы (делаю предположение, недопустимость которого сам хорошо понимаю) ленинцы вдруг стали цивилизованными людьми, то и тогда им нельзя было бы столкнуться с большинством съезда, не разделявшим их убеждения в готовности России к социалистическому перевороту.

Большинство это далеко не отличалось однообразием состава. В него входили и меньшевики почти всех вероисповеданий, и социалисты-революционеры разного образа мыслей, и бундисты. Между социалистами-революционерами много людей, весьма расположенных к тактическому «максимализму». Как эти люди, так и все вообще социалисты-революционеры еще недавно считали ересью ту мысль, что Россия не может миновать капиталистический способ производства. Однако и их устранила уверенность ленинцев в том, что в нашей стране уже пробил час социалистической революции. Они стали в оппозицию к ленинцам и, сблизившись с теми меньшевиками, которые не окончательно утратили здравый смысл под влиянием Циммервальда (7) (таких оказалось большинство в меньшевистском лагере), а также с бундистами, «прокатили на вороных» проекты предлагавшихся ленинцами резолюций. Этим они оказали большую услугу русской революции.

То обстоятельство, что съезд принял такие резолюции, которые произвели на большевиков впечатление «мелкобуржуазных», громко говорит в пользу этих резолюций. Однако из этого совсем не следует, что их надо признать безупречными. Я уже разобрал в «Единстве» резолюцию о войне (8). Я показал, что она недостаточно обдумана и, — стыдно сказать, а грех утаить! — даже не совсем грамотно написана. Резолюция по аграрному вопросу не отличается надлежащей определенностью. Не чудны недостатки и остальные резолюции. Я не буду разбирать их здесь, во-первых, потому, что это завело бы меня слишком далеко, а, во-вторых, потому что недостатки принятых съездом резолюций составляют лишь полбеды. Беда же заключается в том, что, отвергая псевдореволюционную тактику Ленина, съезд не сумел, со своей стороны, предложить рабочему классу такую, действительно революционную

тактику, которая соответствовала бы объективным условиям времени и места. Скажу больше. Отвергая псевдореволюционную тактику Ленина, большинство съезда слишком часто делало этому «коммунисту» совершенно ненужные и даже прямо вредные тактические уступки. Осуждая вредные выступления ленинцев, многие представители образовавшегося на съезде большинства считали себя обязанными в то же самое время обрушиться и на контрреволюционные замыслы буржуазии. В этом было очень много искусственного и натянутого. Выходило похоже на то, что ораторы и сами хорошенько не знают, в чем именно заключаются эти замыслы, а гремят против них единственно для равновесия: чтобы слушатели не вообразили, будто они, ораторы, ведут войну только с ленинцами. А между тем наиболее популярный оратор из среды большинства, т. Церетели (9), очень хорошо заметил, что теперь контрреволюция проникает к нам преимущественно через ленинские ворота. Съезд покрыл громкими рукоплесканиями это глубоко верное замечание. После этого, казалось бы, уже можно было без малейших колебаний направить главные революционные усилия именно в сторону этих ворот. Но на деле выходило не так. Далеко не все те, которые выступили против ленинцев, показали в своих речах ясное сознание того, что в настоящую минуту, запереть ленинские ворота и значит загородить путь контрреволюции.

Ораторы, отвергавшие тактику Ленина, держались того взгляда, что еще не пробил час социалистической революции в России. Держаться этого взгляда, значит находить, что у нас еще не закончился капиталистический период развития. Кто находит, что у нас еще не закончился этот период, тот не имеет логического права третировать буржуазию как совершенно отживший общественный класс, способный только вредить делу прогресса. Но ораторы, отвергавшие тактику Ленина, слишком часто выражались таким образом, как будто они хотели, чтобы отныне Россия доживала капиталистический период своего развития без всякого участия в нем буржуазии. Другими словами: слушая их, можно было подумать, что они хотят капитализма без капиталистов. Эта вопиющая логическая несообразность отражалась целым рядом противоречий в их собственных тактических построениях. Было бы чрезвычайно хорошо, если бы съезд, в одной из своих резолюций, во всеуслышание заявил, что пора покончить с этой дикой несообразностью. Но, к сожалению, съезд не додумался до этого. А если бы додумался, то еще вопрос, хватило ли бы у него смелости громко выразить свою мысль. Возможно, что его руководители поопасались бы за свою популярность.

Будем надеяться,— надежда есть непрекращаемое право человека и гражданина,— что будущий съезд Советов Р. и С. Д. сумеет и посмеет сделать то, чего не сумел или не посмел сделать съезд, закончивший теперь свои занятия. А пока, в ожидании будущего съезда, отметим, что и нынешний знаменует собою весьма значительный шаг в ходе выработки понятий, свойственных нашей революционной демократии. Еще месяц тому назад можно было сомневаться в том, что руководящие представители этой демократии решатся одобрить наступление нашей армии (10). В их головах слишком крепко сидели циммервальдские предрассудки. Но жизнь сильнее предрассудков, ибо не сознание определяет собою бытие, а бытие определяет собою сознание. Жизнь настойчиво потребовала от нашей армии наступления; наступление совершилось с весьма значительным успехом, и съезд одобрил его, несмотря на крики большевиков и предводимых Луначарским «интернационалистов», а главное,— вопреки своим собственным, вывезенным из Циммервальда, предубеждениям. Жизнь сильнее предубеждений, ибо не сознание определяет собою бытие, а бытие определяет собою сознание.

В отвержении тактики большевиков и в ослаблении влияния циммервальдской догмы заключается главный результат занятий только что закрывшегося съезда. Спасибо и за то!

СОГЛАШЕНИЕ НУЖНО И ВОЗМОЖНО

(«Единство»,
№ 91, 16 июля 1917 г.)

Разгром России войсками срединных империй и их союзниками нужно предупредить во что бы то ни стало. Он означал бы крушение нашей революции. Крушение революции, прежде и больше всего, повредило бы интересам трудящегося населения. И не только в самой России, но в большей или меньшей степени во всей Европе, а может быть, и во всем мире. Даже немецкий пролетариат, который, увлекшись перспективой всемирного экономического господства Германии, вошел в сделку с империалистами (партия Шейдемана), много потерял бы от восстановления в России старого порядка. Упрочив свое торжество, русская революция даст могучий толчок экономическому и политическому развитию других стран.

Если это верно,— а это теперь очень трудно оспаривать,— то совершенно ясно, что вся стратегия и вся тактика сознательного русского пролетариата должны быть проникнуты насквозь мыслью об упрочении революции, а стало быть, и о борьбе с австро-германскими завоевателями.

Хороша та политическая стратегия, которая, предупреждая военный разгром России,

упрочает торжество революции. Плоха та политическая стратегия, которая, ослабляя силу военного сопротивления нашей страны, тем самым подготавливает победу реакции. То же и с тактикой. В этом теперь для нас — революционеров и социалистов, вся мудрость, «смысл философии всей».

Революция говорит нам, как Иегова сказал когда-то еврейскому народу: «Я Господь Бог твой, и да не будет у тебя других богов кроме Меня!». Особенно большим грехом является с нашей стороны служение тому богу, который называется доктринерством. На алтаре этого бога многие из нас готовы заколоть самые существенные интересы революции. Потребовалось бы все страстное красноречие древних еврейских пророков, чтобы достойным образом заклеймить непростительный грех служения Молоху доктринерства.

Молоху доктринерства служат все те, которые, однажды усвоив себе тот или другой прием политической стратегии или тактики, забывают, что всякий прием этого рода важен не сам по себе, а единственно в меру своей целесообразности. Как только он перестает быть целесообразным, он должен быть отвергнут и заменен другим приемом, — таким, который по условиям данного времени и данного места лучше других способствует достижению цели. Большая часть ошибок, совершенных нашими революционерами в продолжении революционного подъема 1905—1907 гг., вызвана была именно забвением этого правила.

Было бы слишком печально думать, что мы не вспомним о нем теперь, когда на карту поставлена судьба русской революции.

Спасти революцию от крушения, а государство от временного разгрома может только такая революционная власть, вокруг которой сойдутся все живые — т. е. не реакционные — элементы населения. Но не все эти элементы заинтересованы в осуществлении социалистической программы. Поэтому партия сознательного пролетариата совершила бы большую ошибку, если бы потребовала осуществления этой программы от нынешнего правительства. Нынешнее наше правительство пока еще не может быть исключительно социалистическим и не должно быть таковым. Социалистическое правительство по необходимости оказалось бы весьма неустойчивым. Оно просуществовало бы очень недолго, и его падение было бы победой контрреволюции, которая больше всего вреда принесла бы тому же пролетариату.

Но если наше правительство не должно быть исключительно социалистическим, то оно должно быть ко а л и ц и о н н ы м, т. е. таким, в котором социалистические партии участвуют наряду с различными партиями буржуазии. Именно такой характер имело наше правительство второго состава. Однако те партии, из которых оно состояло, плохо уживались вместе. Как известно, представители партии народной свободы совсем вышли из состава правительства (11), не найдя возможности столкнуться с представителями социалистических партий. Поступив так, они сделали ложный шаг. Социалисты не перестают ставить им это на вид. Но для сознательного русского пролетариата плохим утешением служит возможность упрекнуть партию народной свободы в ошибке. Ошибки, подобные той, которую недавно совершила партия народной свободы, вредят интересам всей страны. Больше того: они могут роковым образом отразиться на ходе нашей национальной самообороны, а следовательно, и на судьбе русской революции. Поэтому сознательный пролетариат, как самая могучая движущая сила этой революции, должен позаботиться о том, чтобы выработана была такая «платформа», на которой с удобствами могли бы поместиться как его собственные представители, так и представители буржуазии.

Можно ли выработать такую «платформу»? «Нет! — отвечают люди, служащие Молоху доктринерства, — сознательный рабочий класс должен стоять на точке зрения социализма. Социалистическое движение предполагает борьбу классов. Сделки с буржуазией ослабляют эту борьбу или вовсе прекращают ее, хотя бы только на время. Вот почему мы должны решительно отвергать их».

Невозможно сомневаться в том, что вхождение социалистов в состав коалиционного правительства является сделкой их с представителями буржуазных партий. Кто не допускает подобных сделок, тот не может помириться с мыслью о коалиционном правительстве. Сторонники Ленина отвергали ее. Они были верны себе, когда пускали в обращение лозунг «Долой министров-капиталистов!» Но ленинцы были меньшинством в нашей революционной демократии. Ее большинство не видело греха в том, что социалисты входили в состав коалиционного правительства. Поэтому на обязанности его представителей и лежала выработка такой платформы, на которой уместились бы представители всех партий, не заинтересованных в восстановлении старого порядка.

Говоря по правде, им до сих пор плохо удавалось это. Я не говорю, что винить за это нужно только их одних. Но несомненно, что доля ответственности падает и на них.

Они находили ложным тот «тезис» Ленина, что пришло время порвать со всеми требованиями капиталистов. Они признавали, что наша февральская революция знаменовала собою начало новой эпохи в истории русского капитализма. Но если они довольно легко мирились с существованием капитализма в России, то им довольно трудно было помириться с существованием капиталистов в русском капиталистическом обществе. Им как будто хотелось, чтобы существовал буржуазный способ производства без буржуазии. А так как это было невозможно и так как события повелительно потребовали от них участия в том правительстве, в котором заседали также и «министры-капиталисты», то они в тяжелом раздумье остановились перед вопросом: как же быть с принципом классовой борьбы? Боясь совершить измену по отношению к этому принципу, они решили продолжать классовую борьбу в недрах коалиционного правительства. Отсюда — многие злоключения этого последнего.

Коалиция есть соглашение. Соглашение не есть борьба. Кто входит в соглашение, тот в его пределах, заметьте, я говорю: в его пределах, отказывается от борьбы. А кто продолжает борьбу, тот нарушает соглашение. Тут середины быть не может: не хотите соглашения — идите за Лениным; не решаетесь идти за Лениным — входите в соглашение.

Но мыслимо ли такое соглашение, вступая в которое представители пролетариата не совершили бы измены по отношению к его интересам? Конечно, мыслимо. Социалисты не изменяют интересам пролетариата, когда вступают в такое соглашение, которое обеспечивает им возможность лучше, нежели прежде, защищать эти интересы.

«Пока известный способ производства находится в восходящей стадии своего развития,— говорит Энгельс,— до тех пор ему воздают хвалу даже те, кто остается от него внакладе. Так было с английскими рабочими во время возникновения крупной промышленности».

Почему же это так было? Английские рабочие чувствовали, что они остались бы в еще большем накладе, если бы прекратилось развитие крупной промышленности и увековечился старый способ производства. Они нисколько не изменили своему классовому интересу, способствуя буржуазии устранять все, что мешало развитию капитализма. Не изменили они ему и в области политики, поддерживая либеральные требования буржуазии. Наоборот. Они жестоко нарушали свой собственный классовый интерес, когда отказывались поддерживать эти требования. А это значит, что бывают такие исторические обстоятельства, при которых классовый интерес пролетариата не только допускает соглашения этого класса с буржуазией, но весьма явственно подсказывает их. Это превосходно было выяснено Марксом и Энгельсом в их полемике с доктринерами немецкого утопического социализма, отрицавшими допустимость подобных соглашений.

Россия находится теперь в том переходном периоде своей экономической истории, в течение которого пролетариат может не только без ущерба, но с выгодой для себя вступать в соглашения с буржуазией для совместной борьбы со всем тем, что задерживает развитие наших производительных сил.

А так как восстановление старого порядка страшно задержало бы это развитие, то пролетариат показал бы себя до последней степени близоруким, если бы не пожелал входить в соглашения с буржуазией, ради торжества революции.

С другой стороны, наши «капитаны промышленности» обнаружили бы не меньшую политическую близорукость, если бы отказались сделать пролетариату все те уступки, которые экономически возможны в настоящее время. Если рабочему классу невыгодно восстановление старого порядка, который сковывал наши производительные силы, то оно невыгодно и буржуазии, для расцвета которой непременно нужно быстрое развитие всех этих сил. И если Россия сделает значительные успехи на пути экономического развития, то не иначе, как при условии поднятия нашего рабочего класса на гораздо более высокий, чем теперь, уровень материального существования.

Наконец, сознательные представители нашей буржуазии должны понимать, как невыгоден для их класса военный разгром России, который превратил бы ее в германскую колонию.

Вот почему *соглашение выгодно как для пролетариата, так и для буржуазии*. А когда оно выгодно для обеих сторон, тогда нет основания сомневаться в его возможности.

КРУГ СМЫКАЕТСЯ («Единство», № 157, 6-го октября 1917 г.)

Вскоре по возвращении моем на родину Вера Засулич (12) сообщила мне остроумное замечание одного нашего общего знакомого, сделанное им в разговоре с кем-то из крайних представителей нашей революционной демократии. Замечание это пришло мне на память ввиду анархии, разливающейся теперь по всей Русской Земле. Но так как я знаю его только из вторых рук, то передам его своими словами, ругаясь только за его смысл.

Если бы Земля представляла собою бесконечную плоскость, то данное тело, движущееся от данной точки влево, постоянно оставалось бы по левую сторону от нее. Но так как наша планета представляет собою определенной величины шар,— собственно, эллипсоид вращения, что в данном случае все равно, то, подвигаясь от данной точки влево, данное тело, по прошествии известного времени, непременно окажется на правой от нее стороне.

Это совершенно верно. Такова диалектика движения по шарообразной поверхности. И такова же диалектика партийного движения. В этом легко убедиться, наблюдая движение значительной части элементов нашей революционной демократии.

В своем постоянном стремлении «углубить революцию» элементы эти «левели» все более и более. И они страшно гордились своей «левизною», язвительно упрекая всех относившихся к ней с недоверием в кадетофильстве, мелкобуржуазности и проч. смертных грехах. Но прошло

некоторое время и в «левизне» наших будто бы наиболее передовых представителей революционного движения стали обнаруживаться признаки «п р а в и з м а». Уже открытие в особняке Кшесинской и, если память меня не обманывает, на даче Дурново складов черносотенных изданий, отчасти окрашенных в яркий антисемитический цвет, могло навести беспристрастных наблюдателей русской общественной жизни на ту мысль, что процесс постоянного «полевения», пожалуй, и в самом деле превращается, на известной ступени развития, в свою собственную противоположность, т. е. в процесс «поправления».

Однако наличность в особняке Кшесинской склада черносотенных изданий допускала и другое объяснение. Можно было предположить, что здесь перед нами проделка одного или нескольких черносотенных провокаторов, проникших в среду «крайних левых» без их ведома и согласия. Я сам готов допустить такое предположение. Но есть другие факты, становящиеся все более многочисленными и не позволяющие сомневаться в том, что «левизна» с постоянно возрастающим ускорением превращается в «п р а в и з н у». Едва ли не каждый номер едва ли не каждой газеты содержит в себе неотразимые свидетельства на этот счет.

В деревнях крестьяне разрушают помещичьи дома, жгут находимые в них книги, уничтожают ссыпанный в помещичьи амбары хлеб, разоряют их же обслуживающие больницы и школы, словом, придают своей «классовой борьбе» с землевладельцами такой характер, благодаря которому она является варварской реакцией против реформ Петра Великого. В городах развязными господами положения являются пьяные солдаты, как это было недавно в Ржеве, и учиняются погромы, иногда заканчивающиеся избиением евреев (Тамбов, Харьков и т. д., и т. д.). Круг смыкается и, по-видимому, недалеко та минута, когда он окончательно сомкнется. Как этого и следовало ожидать, в избиениях евреев принимают деятельнейшее участие агенты реакции, во всеуслышание требующие восстановления старого политического порядка. Это ли не движение вправо?

Мне скажут, что это происходит вне всякой связи с деятельностью каких бы то ни было элементов революционной демократии, которая сама осуждает стихийные выступления народной массы. Однако, хотя революционная демократия и осуждает подобные выступления, невозможно отрицать, что они связаны с деятельностью некоторых ее элементов.

Вот, например, что происходило и, кажется, до сих пор происходит в Раненбургском уезде Рязанской губ.

Там какие-то агитаторы стали внушать крестьянам:

«Необходимо немедленно захватить землю. Буржуазия захватила власть в свои руки и прогнала Чернова (13). Захватывайте землю, пока не поздно!»*.

Неизвестно, кто были агитаторы, пустившие эти лозунги в темную крестьянскую массу. Я согласен верить, что они не принадлежали даже самому р-р-революционному, максималистскому крылу партии социалистов-революционеров. Готов признать, что и к партии ленинцев они не имели прямого отношения. Но как вы думаете, читатель: почему они сочли уместным и полезным волновать массу указанием на отставку г. Чернова? Не потому ли, что в распоряжениях нашего недавнего «селянского министра» слышались им явственные намеки на необходимость немедленного захвата крестьянами помещичьих земель? Полагаю, что поэтому. А если поэтому, то можно ли утверждать, что в нашей революционной демократии не существует таких элементов, на которые, хоть отчасти, падала бы ответственность за беспорядки, происходящие в деревнях и заставляющие вспоминать о временах Степана Разина и Емельяна Пугачева.

Далее. Что сказать о психологии солдат, бесчинствующих в городах и порой облагающих население настоящими военными контрибуциями? Тот жестоко ошибается, кто думает, что ее наиболее печальные черты возникли независимо от воздействия на солдат известных элементов революционной демократии.

Вспомним братание с немцами. Его проповедовали ленинцы, а ленинцам поддакивали, по своему обыкновению, не совсем решительно, п о л у л е н и н ц ы. Наши солдаты жадно прислушались к проповеди братания и, как это всем известно, усердно практиковали его. Но проповедь братания есть в то же самое время проповедь самого жестокого нарушения военной дисциплины. А что такое армия, лишенная дисциплины? Я уже не раз говорил и писал: это дикая развращенная орда. И все мы знаем, что далеко не только проповедью братания разрушали в солдатском сердце чувство дисциплины известные элементы наших крайних левых партий. После этого нельзя удивляться тому, что пьяные солдаты своими бесчинствами наводят ужас на мирное население наших городов и успокаиваются только тогда, когда правительство противопоставляет их насилию вооруженную силу. (Что случается, впрочем, далеко не часто.)

Стыдно сказать, а грех — большой грех! — утаить: известные элементы наших крайних левых партий, несомненно, должны нести значительную долю ответственности за то анархическореакционное движение, которое перебрасывается теперь, к нашему стыду и горю, из одной местности России в другую.

Эти элементы нанесли трудно поправимый вред революционному делу благодаря тому, что слишком плохо уяснили себе незаменимые условия его успеха.

Когда совершилась наша революция, они заговорили о необходимости ее углубления. Для углубления революции, как и всякого другого общественного движения, требуется наличность

* «Власть народа», № 132.

известных объективных условий. В России не было объективных условий, нужных для углубления революции в смысле замены капиталистического строя социалистическим. С этим иногда бывали вынуждены согласиться даже ленинцы. А полуленинцы очень редко оспаривали это. Но, с другой стороны, очень многие революционеры наши твердо держались того убеждения, что они изменили бы принципу борьбы классов, если бы хоть в некоторых случаях воздержались бы от борьбы с буржуазией. *Буржуазия была существенно заинтересованна в установлении у нас правового порядка и потому не могла сочувствовать контрреволюции.* Но чтобы оправдать свой отказ от всяких соглашений с ней, наши крайние левые партии, чуть не с самых первых дней переворота, стали третировать ее как контрреволюционную силу. К этому присоединилось неправильное представление об ответственности за нынешнюю войну, которая, согласно циммервальд-кентальской догме, в одинаковой мере распространяется на буржуазию всех стран, не исключая экономически отсталой России. Вследствие этого даже полуленинцы в своем отношении к буржуазии усвоили себе такую тактику, как будто бы они считали возможным существование капиталистического общества без капиталистов. Это было нелогично. Но усвоенная ими нелогичная тактика по отношению к буржуазии производила сильнейшее впечатление на широкую массу. А так как крайняя экономическая отсталость России делала эту широкую массу пока еще совершенно неспособной к сознательному и организованному движению в сторону социализма, то нашим «крайним» агитаторам пришлось опираться на такие стороны ее характера, которые представляли собою печальное наследие печальных веков темноты и рабства. Но чем громче апеллировали они к этим сторонам ее характера, тем более предрасполагали они и к тем стихийным выступлениям, которые как сказано мною выше, явились варварской реакцией против реформ Петра Великого. Весьма естественно, что в результате подобных выступлений начали раздаваться прямые призывы к восстановлению старого порядка. Тут все естественно. Тут все неизбежно. Тут все логически вытекает одно из другого. Враги революционной демократии, видя ее серьезные ошибки, готовы кричать теперь: «Долой ее, распни ее!».

Мы, сами принадлежащие к этой демократии, конечно, не повторим этого реакционного крика. Мы критикуем ошибки демократии не затем, чтобы осуждать ее на распятие. Мы воскликнем наоборот:

Да здравствует революционная демократия, но да откажется она от тех ошибок, которые грозят окончательной гибелью, как ее собственному делу, так и всей стране.

Нам все еще хочется верить, что она способна отказаться от тактики, которая роковым образом превращает революционную «левизну» в реакционную «правизну».

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО К ПЕТРОГРАДСКИМ РАБОЧИМ («Единство», № 173, 28 октября 1917 г.)

Товарищи!

Не подлежит сомнению, что многие из вас рады тем событиям, благодаря которым пало коалиционное правительство А. Ф. Керенского и политическая власть перешла в руки Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Скажу вам прямо: меня эти события огорчают.

Не потому огорчают, чтобы я не хотел торжества рабочего класса, а наоборот потому, что призываю его всеми силами своей души.

В течение последних месяцев некоторые агитаторы и публицисты изображали меня чуть ли не контрреволюционером. Во всяком случае, они охотно распространялись на ту тему, что я готов перейти или уже перешел на сторону буржуазии. Но эти агитаторы и публицисты, по крайней мере те между ними, которые не страдали неизлечимым простодушием, конечно, сами не верили тому, что распространялось ими на мой счет. Да и нельзя было этому верить.

Кому известна была история моей политической деятельности, тот знает, что уже с начала восьмидесятих годов прошлого столетия, со времени основания группы «Освобождение Труда», — в ее основе лежала одна политическая мысль: мысль об историческом призвании пролетариата вообще и русского пролетариата в частности.

«Революционное движение в России восторжествует как движение рабочего класса или совсем не восторжествует», — сказал я в речи о русском положении, произнесенной мною на парижском Международном Социалистическом Съезде 1889 г., этом первом Съезде 2-го Интернационала.

Эти мои слова недоверчиво встречены были огромным большинством участников Съезда. Россия представлялась им такой безнадежно отсталой страной, что они должны были принять и действительно приняли за несбыточную утопию мое мнение о великом историческом призвании русского пролетариата в области нашей внутренней политики. Только мой друг Жюль Гед,

зять Маркса, Шарль Лонге, да еще старый деятель германской социал-демократии Вильгельм Либкнехт иначе отнеслись к мысли, мною высказанной. Они нашли, что мысль эта проливает новый свет на дальнейший ход русского общественного развития и соответствующего ему освободительного движения.

Что же касается нашей революционной интеллигенции того времени, то в ее среде моя парижская речь вызвала значительное неудовольствие. Вера в промышленный пролетариат считалась тогда у нас вредной ересью. Интеллигенция насквозь пропитана была старозаветными народническими понятиями, согласно которым промышленный рабочий не мог претендовать ни на какую самостоятельную историческую роль. В лучшем случае он способен был, по убеждению тогдашних народников, поддерживать революционное движение крестьянства. И это убеждение так сильно укоренилось в интеллигенции, что всякое отклонение от него считалось почти изменой революционному делу.

В первой половине девяностых годов «легальные» народники печатно называли нас, «нелегальных» проповедников идеи рабочего сословия (как выразился бы Лассаль), кабатчиками, а один из них выразил ту отрадную уверенность, что ни один уважающий себя журнал не позволит себе напечатать на своих страницах изложение наших взглядов.

В продолжение целой четверти века мы стойко выносили самые ожесточенные нападки и преследования. Мы обладали той «благородной упрямкой», на которую с гордостью указывал некогда Ломоносов как на одно из отличительных свойств своего характера. И вот теперь, когда жизнь как нельзя более убедительно показала, что мы были правы; теперь, когда русский рабочий класс в самом деле стал великой движущей силой общественного развития, мы отвернемся от него и перейдем на сторону буржуазии? Да ведь это ни с чем не сообразно; этому может поверить лишь тот, кто не имеет ни малейшего понятия о психологии!

Повторяю, этому не верят сами наши обвинители. И конечно, сознательные элементы русского рабочего класса отвергнут это обвинение как недостойную клевету на тех, которых сами обвинители не могут не признать первоучителями русской социал-демократии.

Итак, не потому огорчают меня события последних дней, чтобы я не хотел торжества рабочего класса в России, а именно потому, что я призываю его всеми силами души.

В течение последних месяцев нам, русским социал-демократам, очень часто приходилось вспоминать замечание Энгельса о том, что для рабочего класса не может быть большего исторического несчастья, как захват политической власти в такое время, когда он к этому еще не готов. Теперь, после недавних событий в Петрограде, сознательные элементы нашего пролетариата обязаны отнестись к этому замечанию более внимательно, чем когда бы то ни было.

Они обязаны спросить себя: готов ли наш рабочий класс к тому, чтобы теперь же провозгласить свою диктатуру?

Всякий, кто хоть отчасти понимает, какие экономические условия предполагаются диктатурой пролетариата, не колеблясь ответит на этот вопрос решительным отрицанием.

Нет, наш рабочий класс еще далеко не может с пользой для себя и для страны взять в свои руки всю полноту политической власти. Навязать ему такую власть, значит, толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы в то же время величайшим несчастьем и для всей России.

В населении нашего государства пролетариат составляет не большинство, а меньшинство. А между тем он мог бы с успехом практиковать диктатуру только в том случае, если бы составлял большинство. Этого не станет оспаривать ни один серьезный социалист.

Правда, рабочий класс может рассчитывать на поддержку со стороны крестьян, из которых до сих пор состоит наибольшая часть населения России. Но крестьянству нужна земля, в замене капиталистического строя социалистическим оно не нуждается. Большие того: хозяйственная деятельность крестьян, в руки которых перейдет помещичья земля, будет направлена не в сторону социализма, а в сторону капитализма (14). В этом опять-таки не может сомневаться никто из тех, которые хорошо усвоили себе нынешнюю социалистическую теорию. Стало быть, крестьяне — совсем ненадежный союзник рабочего в деле устройства социалистического способа производства. А если рабочий не может рассчитывать в этом деле на крестьянина, то на кого же он может рассчитывать? Только на самого себя. Но ведь он, как сказано, в меньшинстве, тогда как для основания социалистического строя необходимо большинство. Отсюда неизбежно следует, что если бы, захватив политическую власть, наш пролетариат захотел совершить «социальную революцию», то сама экономика нашей страны осудила бы его на жесточайшее поражение.

Говорят: то, что начнет русский рабочий, будет dokonчено немецким. Но это — огромная ошибка.

Спора нет, в экономическом смысле Германия гораздо более развита, чем Россия. «Социальная революция» ближе у немцев, чем у русских. Но и у немцев она еще не является вопросом нынешнего дня. Это прекрасно сознавали все толковые германские социал-демократы, как правого, так и левого крыла, еще до начала войны. А война еще более уменьшила шансы социальной революции в Германии, благодаря тому печальному обстоятельству, что большинство немецкого пролетариата с Шейдеманом во главе стало поддерживать германских империалистов. В настоящее время в Германии нет надежды не только на «социальную», но и на политическую революцию. Это признает Бернштейн, это признает Гаазе, это признает Каутский, с этим, наверное, согласится Карл Либкнехт.

Значит, немец не может dokonчить то, что будет начато русским. Не может dokonчить это ни француз, ни англичанин, ни житель Соединенных Штатов. Несвоевременно захватив

политическую власть, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая, в конце концов, заставит его отступить далеко назад от позиций, завоеванных в феврале и марте нынешнего года.

А война, которую поневоле приходится вести России? Страшно осложняя положение дел, она еще больше уменьшает шансы социальной революции и еще больше увеличивает шансы поражения рабочего класса.

На это возражают: мы декретируем мир. Но чтобы германский император послушался нашего декрета, надо, чтобы мы оказались сильнее его, а так как сила на его стороне, то «декретируя» мир, мы тем самым декретируем его победу, т. е. победу германского империализма над нами, над трудящимся населением России. Решите сами, можем ли мы радостно приветствовать подобную победу.

Вот почему, дорогие товарищи, меня не радуют, а огорчают недавние события в Петрограде. Повторяю еще раз. Они огорчают меня не потому, чтобы я не хотел торжества рабочего класса, а наоборот, потому что я призываю его всеми силами души и вместе с тем вижу, как далеко отодвигают его названные события.

Их последствия и теперь уже весьма печальны. Они будут еще несравненно более печальными, если сознательные элементы рабочего класса не выскажутся твердо и решительно против политики захвата власти одним классом или, еще того хуже, — одной партией.

Власть должна опираться на коалицию всех живых сил страны, то есть на все те классы и слои, которые не заинтересованы в восстановлении старого порядка.

Я давно уже говорю это. И считаю своим долгом повторить это теперь, когда политика рабочего класса рискует принять совсем другое направление.

Сознательные элементы нашего пролетариата должны предостеречь его от величайшего несчастия, какое только может с ним случиться.

Весь ваш Г. Плеханов

1. Вероятно, имеется в виду сборник «О войне», изданный в Петрограде в 1915 г. М. Поповым.

2. Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. 1901—1916. Берлин, 1924, с. 344.

3. Сборник статей, вышедший в Париже под редакцией А. Сутера в 1915 г. Авторы его разоблачали империалистическую сущность внешней и внутренней политики Германии.

4. Эрве Г. (1871—1944) — французский анархист. На Штутгартском Конгрессе II Интернационала (1907 г.) призвал социалистов в случае войны организовать всеобщую забастовку рабочих. Его программа, как политически несостоятельная, была отклонена. В годы I-й мировой войны стоял за необходимость защиты Франции от германской агрессии.

5. Имеется в виду I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, проходивший в Петрограде с 3 по 24 июня 1917 г.

6. Плеханов имеет в виду события, происходившие в Петрограде в начале июня 1917 г. Военная организация партии большевиков предложила провести антивоенную и антиправительственную демонстрацию. ЦК РСДРП(б) принял это предложение и назначил вооруженное шествие на 10 июня. Демонстранты должны были выдвинуть лозунги об отказе от наступления на фронте и о передаче полноты власти Советам. В ночь с 9 на 10 июня ЦК партии большевиков под давлением решения Съезда Советов принял решение об отмене демонстрации. Однако ситуация в Петрограде была столь серьезной, что 11 и 12 июня делегаты Съезда были вынуждены обсудить эти события.

Выступивший по этому вопросу И. Г. Цере-

тели отмечал: «То, что произошло, является не чем иным, как заговором, заговором для низвержения правительства и захвата власти большевиками, которые знают, что другим путем им эта власть не достанется. Заговор был обезврежен в момент, когда мы его раскрыли. Но завтра он может повториться. Говорят, что контрреволюция подняла голову. Это неверно. Контрреволюция не подняла голову, а поникла головой. Контрреволюция может проникнуть к нам через одну дверь: через большевиков. То, что делают теперь большевики, это — уже не идейная пропаганда, это — заговор. Оружие критики сменяется критикой оружия. Пусть же извинят нас большевики, теперь мы перейдем к другим мерам борьбы. У тех революционеров, которые не умеют достойно держать оружие, нужно это оружие отнять... Заговор мы не допустим». («Первый Всероссийский съезд Советов Раб. и Солд. депутатов». Т. I. М. — Л., 1930, с. 440.)

В ответ на высказанную в адрес большевиков критику их представитель В. П. Ногин зачитал следующее заявление: «...мы считаем необходимым заявить, что, входя в Совет и борясь за переход в его руки всей власти, мы ни на минуту не отказываемся в пользу принципиально — враждебного нам большинства Совета от права самостоятельно и независимо пользоваться всеми свободами для мобилизации рабочих масс под знаменем нашей классовой пролетарской партии». (Там же. с. 22.)

Съезд принял резолюцию, осуждавшую «раскольническую деятельность» большевиков. Их депутаты в знак протеста покинули зал заседаний.

7. В данном случае Плеханов имеет в виду

- идей, положенные в основу документов, принятых на Международной социалистической конференции в Циммервальде (5—8 сентября 1915 г.). В ней приняли участие 38 делегатов от социал-демократических партий одиннадцати стран. Участники встречи представляли не партии своих стран в целом, а лишь их части, стоявшие на позициях «интернационализма». Сторонники данной точки зрения определили войну как империалистическую со стороны всех ее участников: «империалистами» объявлялись и страны — агрессоры, и страны, подвергшиеся нападению. Подобный взгляд на природу I мировой войны исключал возможность конкретно-исторического анализа социально-экономических причин, приведших к ней.
8. Плеханов имеет в виду свою статью «Революционная демократия и война» («Единство», № 64, 14.06.1917), в которой дается критика принятой I Съездом Советов резолюции о войне.
 9. Церетели И. Г. (1882—1959) — участник социал-демократического движения. В 1917 г. был избран в Исполком Петросовета, являлся членом ЦИК, созданного на основе решений I Всероссийского съезда Советов. Входил в состав Временного коалиционного правительства.
 10. Плеханов имеет в виду приветствие делегатов I Съезда Советов в связи с начавшимся 18 июня наступлением русских войск на юго-западном фронте.
 11. Члены конституционно-демократической партии вышли в отставку 2 июля 1917 г., не согласившись с решением Временного правительства о предоставлении Украине автономии. Разрешение этого вопроса кадеты предлагали отложить до созыва Учредительного собрания, считая, что ряд требований Украинской Рады мог осложнить и без того тяжелое положение России в условиях войны. Отставка кадетов положила начало новому правительственному кризису.
 12. Засулич В. И. (1849—1919) — одна из основателей группы «Освобождение труда», видный участник и теоретик международного социал-демократического движения. В 1917 г. вместе с Плехановым входила в социал-демократическую группу «Единство».
 13. Чернов В. М. (1876—1952) — один из видных идеологов и вождей партии социалистов-революционеров. В 1917 г. входил в состав I и II коалиционного правительства в качестве министра земледелия. 5 января 1918 г. был избран председателем Учредительного собрания.
 14. Именно поэтому Плеханов выступал против национализации всей земли. В письме к делегатам Всероссийского крестьянского съезда (май 1917 г.) он высказал мысль о необходимости сохранения в частном владении известного (этот вопрос должно было решить Учредительное собрание) количества земли, уже выкупленной крестьянами в ходе реформы 1861 г. и столыпинской реформы. Насильственное отторжение земли от крестьян, считал Плеханов, способно привести к гражданской войне. Для наделения крестьян землей он предлагал использовать государственные, церковные и помещичьи земли. Плеханов советовал также выделить помещикам некоторое небольшое вознаграждение с целью предупреждения контрреволюционной деятельности с их стороны.
- К этому необходимо добавить, что участники состоявшегося в июле 1917 г. Съезда земельных собственников приняли решение о передаче земли крестьянами на правах частной собственности.